

Подобная схема продвижения, придуманная Виэном, доказала свою эффективность. Мерлин встала у входа в отдельную ложу, и не прошло и нескольких минут, как к ней подошла пара служанок расспросить об одежде — разумеется, от своего собственного имени, а не от имени своих господ.

Мерлин твердо помнила наставления Виэна: она подчеркивала, что это эксклюзивный пошив на заказ и доставка на дом (ничего не поделаешь, у них еще не было денег на аренду собственного магазина), и записывала адреса клиенток. Конечно же, тоже на свое имя.

Тем временем подошел работник театра, и они немного пообщались. Когда распорядитель ушел, Мерлин направилась к укрывшемуся в тени Виэну.

— Ну что? — Виэн торопливо поднялся на ноги. Неужели что-то пошло не так?

Мерлин выглядела крайне растерянной:

— Распорядитель только что сказал, что барон Эймхольц подобрал нашу перчатку, и спросил, когда мы зайдем за ней.

Виэн умолк. Эта перчатка, должно быть, всё еще находилась у Анселя, иначе распорядитель просто принес бы ее им сам. Поразмыслив немного, Виэн посмотрел на Мерлин:

— Ты осмелишься пойти забрать ее?

— Ни за что, — честно ответила Мерлин. — А ты?

Виэн снова замолчал. Мерлин терпеливо ждала, и спустя мгновение он уныло произнес:

— Да ну ее, не будем забирать.

— Согласна.

Уильям нахмурился:

— Продает одежду?

— Ничуть, — Уильям покачал головой. Его взгляд был прикован к ложе за спиной Мерлин, а на губах заиграла хищная улыбка, обнажая клыки, отчего он выглядел невероятно зловеще: — Она мне стала еще больше нравиться.

— Что, разочарован? — поинтересовался Ансель.

Ансель повернулся к нему и сменил тему:

— Куда ты отлучался?

— И это ведь только задаток, — Виэн тоже был взволнован, но старался держаться спокойно. — В дальнейшем денег будет больше.

Он взял кошель, пересчитал монеты, затем сложил их обратно и вместе с мешочком протянул Мерлин.

Ансель кивнул на стоявшую у входа Мерлин, которая как раз о чем-то беседовала со служанкой:

— Очевидно. Когда ты только вышел, я окликнул вернувшуюся оттуда служанку, и она всё мне рассказала. Девушка рекламировала кружева, украшающие платья, да еще и записывала адреса всех заинтересованных клиенток, предлагая услуги выездного пошива.

Ансель улыбнулся:

— Ты не думал, что она может оказаться простой торговкой платьями?

— Забирай всё, а нехватку материалов докупим. Мать барона Касмая — графиня, так что нам нужно постараться на славу. Если надеть это на ее балл в честь дня рождения, разве это не будет ходячей рекламой?

Воспользовавшись моментом, Виэн благоразумно решил закругляться. Потянув Мерлин за собой, он тайком ускользнул, пока в спектакле разворачивалась самая кульминация. Другому швейцару у входа он отдал три пенса в качестве платы за то, что их выпустили. Затем они нашли пустующее местечко, переоделись, снова превратившись в оборванных паренька и девчонку, поймали неподалеку дешевый экипаж и умчались прочь.

Уильям и вообразить не мог подобного. Он-то думал, что любовь с первого взгляда и небесный дар на деле оказались всего лишь рекламной кампанией?

— Очень умно, не правда ли? — Ансель казался восхищенным, в то время как Уильям молча опустил голову.

— Сходил разузнать, ведь у меня нет хрустальной туфельки Золушки, приходится рассчитывать только на себя.

Уильям плюхнулся рядом с ним на сиденье и обнял Анселя за плечи:

— Прежде чем продолжить, ответь-ка: ты на нее глаз положил?

В карете Виэн достал свой блокнот и заново отметил особым знаком четыре полученных адреса. Мерлин, пересчитывая монеты прямо сквозь кошель, покраснела от возбуждения:

— Виэн, я никогда в жизни не видела столько денег вместе! Я что, сплю?!

Услышав это, Ансель бросил на него быстрый взгляд, и в груди шевельнулось странное чувство. Однако выражение его лица осталось прежним, и он предложил:

— Тогда, пожалуй, стоит подарить госпоже платье на заказ — заодно появится повод для сближения.

Уильям с откровенным брезгливым выражением отодвинулся подальше:

— Что за ужасные вещи ты говоришь?

Он причмокнул, снял шляпу, поправил волосы и надел ее обратно:

— Ну так вот, слушай. Она либо новая содержанка какого-нибудь богача, либо банальная мошенница, и уж точно никакая не благородная девица. Я везде навел справки — никто ее не знает.

— Отличная идея! — Этот исполненный решимости молодой офицер тут же вскочил на ноги и выбежал прочь, оставив Анселя с улыбкой качать головой и снова устремить взгляд на сцену.

Мерлин не решалась взять деньги:

— Это... мне?

— Ничего подобного, — Ансель покрутил на пальце сапфировый перстень и прищурился, напоминая довольную лису. — Просто захотелось немного позабавиться.

— Подло с твоей стороны, — с чувством укоризны Уильям ткнул в него пальцем. — Отобрать чужую перчатку и еще заставить распорядителя передать ее нам. Если кто-нибудь еще назовет тебя благородным человеком, я первым буду возражать.

Уильям толкнул дверь ложи и вошел внутрь. Ансель сидел на своем месте, с легкой улыбкой наблюдая за представлением, к которому минуту назад потерял всякий интерес.

Мерлин до слез прикусила губу, но в то же время ее охватило легкое волнение. В поместье ей доводилось прислуживать лишь баронессе, а графиня — это звучало так далеко и недостижимо. Сможет ли она справиться?

Виэн же не испытывал особого трепета. Все эти аристократы в конце концов одинаковы: власть, плоть, деньги, слава — многие ли из них свободны от низменных страстей? Включая Анселя, тут не было исключений. Когда кто-то пытается заполучить всё и сразу, неизбежно возникают преграды. В прошлой жизни, если не считать того, что финал разыгрался несколько нелепо, Виэн держался словно искусный цирковой артист, танцующий на натянутой канатом паутине соблазна.

Поэтому он утешающе произнес:

— Не переживай, я помогу тебе. У нас нет пары недель на создание нового платья с нуля, так что я сначала помогу тебе выбрать готовое, а потом мы вместе его перешьем.

Мерлин тронута кивнула:

— Виэн, как хорошо, что ты есть...

Нет, это мне повезло, что ты есть. — мысленно ответил Виэн.

Возможно, из-за того, что в последнее время они держались слишком близко друг к другу, это вызвало у некоторых зависть.

На стороне Мерлин всё было относительно спокойно — за спиной лишь шептались. А вот нападки со стороны мужчин оказались куда более недвусмысленными.

Виэн как раз помогал носить ведра с водой для полива. Да, чтобы закрепиться в поместье и завоевать расположение людей, выполнения только прямых обязанностей было недостаточно.

Когда он проходил мимо конюшни, лошадь внезапно взмахнула копытами и лягнула воздух. Виэн не успел увернуться, удар пришелся в плечо, и он рухнул на землю, окатив себя водой из ведра.

Конюх Ким, устроившийся на передке повозки под соломенной шляпой в попытке подремать, громко расхохотался:

— Трус, маменькин сынок!

Виэн поднялся, придерживая плечо, и мрачно посмотрел на него.

Ким, рослый и крепкий малый, любивший потешить себя грубой силой, с хрустом наклонил голову вбок и с издевкой хмыкнул:

— Не согласен?

Ничего не отвечая, Виэн поднял с земли упавшее ведро и шатающейся походкой зашагал прочь.

Ким проводил его спину презрительным плевком:

— Тьфу, кишка тонка.

Удар копытом оказался на редкость тяжелым. Кое-как доработав смену до конца, Визн почувствовал, что не может поднять руку. Когда он стянул рубашку, на плече красовался огромный синяк. Карло, деливший с ним комнату для слуг, принес мазь и принялся втирать ее, на чем свет стоит ругая Кима на местном диалекте.

Визн сквозь зубы втягивал воздух. Это было первое серьезное испытание со дня его перерождения; до этого всё шло настолько гладко, что он уже начал воображать себя баловнем судьбы.

Раньше он бы непременно сцепился с Кимом, но сейчас у него совсем не было желания тратить драгоценное время на этого отброса.

— Ладно, хватит ругаться. Понюхай лучше, сильно ли пахнет мазью? Мне еще нужно кое-куда сходить, — Визн надел рубашку, попытался посильнее приподнять плечо и нацепил на лицо привычную фальшивую улыбку.

— Опять к этой Мерлин, да? — Карло закатил глаза. — Ты что, притворяешься дурачком? Ким взъелся на тебя только потому, что сам сохнет по Мерлин. Какому-то парню со стражи уже досталось за это — его избили всей толпой.

— И что, никто не управляет этим наглецом? — Визн нахмурился. Раньше он никогда не обращал внимания на слуг с низших ступеней.

— Да кому есть дело? — Карло понизил голос. — Это мы только здесь, в комнате, можем посудачить. Старый управляющий мистер Хуа — добряк, его никто не боится. Госпожа, конечно, та еще фурия, но кроме ее любимой служанки, которую она балует как собственную дочь, ей плевать на остальных.

— Если госпоже всё равно, а как же молодой господин?

— Молодой господин? — Карло замялся. — Хм, размышлялся! Молодой господин вернулся почти месяц назад, и чем он занят? То разъезжает по друзьям, то целыми днями пропадает в кабинете над какими-то записями, его вживую-то почти не увидишь. По мне так все эти книгочеи — страшные снобы, которые смотрят на таких, как мы, с высоты птичьего полета.

А вот и нет. — мысленно возразил Визн. Тот самый книгочей со снобистскими замашками, о котором говорил Карло, во времена Великой депрессии, даже оказавшись на грани банкротства и не имея возможности нанять экипаж, когда на ужин подавали лишь капустный суп, продолжал удерживать штат слуг в поместье, выплачивая им жалование по минимальному стандарту.

Позже Визн случайно услышал насмешливые слова одного графа о том, что Ансель вполне мог сбежать с накоплениями в другую страну и продолжать барскую жизнь либо просто распустить поместье, вместо того чтобы вливать деньги в эту бездонную бочку.

— Эх, — заметив, что Виэн молчит, Карло вздохнул про себя: — Остается лишь надеяться, что молодой господин подыщет себе волевою жену, которая наконец наведет порядок в этом поместье.

Жена.

Виэн опустил глаза. Да, если бы не его собственный соблазн в прошлой жизни, Ансель благополучно женился бы на равной себе по происхождению девушке, завел бы смысленных детей, а не коротал бы дни в тридцать с лишним лет в пустом, холодном доме, где некому даже молвить слово.

При одной этой мысли сердце Виэна сжалось от боли. Он остался в поместье из эгоистичных побуждений — лишь бы изредка видеть его. Но стоило ему вспомнить мимолетное видение в театре несколько дней назад, как в груди снова поднялось упрямое чувство неудовлетворенности. Да, разве в тот момент был очарован один лишь Ансель?

Виэн живо представил молодого аристократа на возвышении: одной рукой тот опирался на перила, в другой держал миниатюрный театральный бинокль, светлые волосы были небрежно заплетены в две косички и спадали на плечи, а золотая подвеска-перышко покачивалась на груди, с каждым вздохом ударяясь о черную шелковую рубашку, излучая благородство и мягкую грацию.

Внешность Анселя можно было назвать разве что миловидной, но странное дело — стоило ему появиться в поле зрения, как даже рядом с признанным красавцем Уильямом он мгновенно приковывал к себе все взгляды своей неповторимой аурой.

Луна, отраженная в воде, — вспомнилась Виэну сказка из детства. Он больше не смел касаться ее или мутить воду, уподобляясь глупой обезьяне. Но смириться он тоже не мог; в груди клубилось тяжелое удушливое чувство, отдающееся острой болью в поврежденном плече.

— Только вот справится ли молодой господин с такой строптивой женушкой, ха-ха...

Виэн попытался выдавить из себя улыбку, но уголки рта еще не успели подняться, как он выпалил:

— Разве одной госпожи нам мало? Появись тут вторая — глядишь, всех нас разом выгонят на улицы с пожитками.

Его слова прозвучали так быстро и сбивчиво, что исчезло даже заикание. Карло даже растерялся и не сразу сообразил, в чем дело, а Виэн уже резко вскочил, набросил пальто и, хлопнув дверью, выскочил наружу.

— И чего это он на меня взъелся? — Карло со злости швырнул тубик с мазью в ящик стола и захлопнул его с грохотом. — С ума сошел... Что я такого сказал-то?

<http://bllate.org/book/24921/2948975>